

Михаил Салтыков-Щедрин

Ворон-челобитчик

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин
Ворон-челобитчик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=319072

Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин Ворон-челобитчик

* * *

Всё сердце у старого ворона изболело. Истребляют вороний род: кому не лень, всякий его бьет. И хоть бы ради прибытка, а то просто ради потехи. Да и само вороньё измалодушничалось. О прежнем вещем карканье и в помине нет; осыплют вороны гурьбой березу и кричат зря: «Вот мы где!» Натурально, сейчас – паф! – и десятка или двух в стае как не бывало. Еды прежней, привольной, тоже не стало. Леса кругом повырубили, болота повысушили, зверье угнали – никак честным образом прокормиться нельзя. Стало вороньё по огородам, садам, по скотным дворам шнырять. А за это опять – паф! – и опять десятка или двух в стае как не бывало! Хорошо еще, что вороны плодуши, а то кто бы кречету, да ястребу, да беркуту дань платил?

Начнет он, старик, своих младших собратий увещевать: «Не каркайте зря! не летайте по чужим огородам!» – да только один ответ слышит: «Ничего ты, старый хрен, в новых делах не смыслишь! нельзя, по нынешнему времени, не воро-

вать. И в науке так сказано: коли нечего тебе есть, так изворачивайся. И все так нынче живут: дела не делают, а изворачиваются. Пропадать, что ли, нам! Мы еще где до свету встанем, снимемся с гнезд и весь лес обшарим – везде хоть шаром покати. Ни ягоды лесной, ни пичуги малой, ни зверя упалого. Даже червь, и тот в землю зарылся».

Слышит старый ворон эти речи и глубокую думу думает. Трудные бывали на его памяти времена. Целыми годами преследовала вороний род бескормица; без числа воронье погибало. Но тогда было правило: есть у тебя когти – рви ими свою грудь, а на чужой кусок не зарься! Однако и тогда уж было заметно, что недолго воронье эту школу выдержит. Смотреть, как другие живут припеваючи, а самому добровольно умирать с голода – от одного этого хоть чье хочешь сердце изноет.

И наука, кстати, на помощь пришла: клюй, что можешь и где можешь! Удастся набить зоб – летай на свободе сытый и веселый; не удастся – виси простреленный на огороде, вместо чучела. На то война.

Когда принес его сюда, едва оперившегося, старый батяк из-за тридевяти морей, места здесь были вольные. Лес да вода – и глазом не окинешь. В лесу всякой ягоды, всякого зверя, птицы – всего вдоволь; в воде рыба кишмя кишела. Начальником и тогда у них был, как и теперь, ястреб, но тогдашний ястреб и сам по себе был по горло сыт, да и прост был, так прост, что и до сих пор об его простоте анек-

доты ходят. Любил, правда, молоденькими воронятами полакомиться, но и тут справедливость наблюдал: сегодня из одного гнезда унесет вороненка, завтра из другого; а ежели видит, что гнездо бедное, упалое, так и безо всего улетит. И подати тогда были не тяжелые: по яйцу с гнезда, да по перу с крыла, да с каждых десяти гнезд по вороненку орлу в презент. Отбыл повинность – и спи на оба уха.

Но чем дальше шло, тем глубже и глубже все изменялось. Облюбовал вольные места человек и начал с того, что пустил в ход топор. Леса поредели, болота стали затягиваться, река обмелела. Сначала по берегу реки появились заимки, потом деревни, сёла, помещичы усадьбы. Стук топора гулким эхом раздавался в глубинах лесных, нарушая обычное течение жизни зверей и птиц. Старейшины вороньего племени уже тогда предсказывали, что грозит что-то недоброе, но молодое вороньё с веселым карканьем кружилось около человеческих жилищ, словно приветствуя пришельцев. Строгие заветы предков наскучили молодым сердцам; лесные глубины опостытели. Потребовалось новое, диковинное, неизведанное. Вороньё разделилось на партии; начались пререкания, усобицы, рознь...

Одновременно с этими изменениями произошли изменения и в высших орнитологических сферах. Старый ястреб оказался стоящим не на высоте своей задачи. Он мог управлять только при патриархальных порядках, но когда отношения усложнились, когда на каждом шагу в воронье существо-

вание врывались новые элементы, административное чутье окончательно его покинуло. Главные начальники называли его старым колпаком; воронье оспаривало его власть и бесцеремонно каркало ему в уши всякую чепуху. Он же, вместо того, чтоб пресечь зло в самом корне, только благосклонно хлопал глазами и шутя говорил: «Вот ужо, придет реформа, узнаете вы, как кузькину мать зовут!» Наконец и ожидаемая реформа пришла. Старика сдали в архив, а прислали вместо него начальником совсем молодого ястреба, да в помощь к нему, в видах пущего контроля, поставили кречета.

Прилетели новые начальники и сказали вороньему племени немилостивое слово. «Я вас к одному знаменателю приведу!» – «цыркнул ястреб, а кречет прибавил: „И я тоже“. Сказавши это, объявили, что отныне налоги увеличиваются против прежнего втрое, выдали окладные листы и улетели.

Началось окончательное разорение. Воронье роптало: „Налоги установили немилостивые, а новых угодьев не предоставили!“ – раздавалось по лесу; но ни ястреб, ни кречет не внимали жалобам воронья и посылали копчиков ловить смутьянов, которые зря пустые речи в народ пушают. Много было тогда гнезд разорено, много вороньего племени в плен уведено и отдано на съедение волкам и лисицам. Думали, что воронье, испугавшись, на хвосте дани принесет. Но воронье от испуга только металось и жалобно каркало: „Хоть режьте, только стреляйте, а даней нам взять неоткуда!“

Так оно и посейчас идет: воронье разоряется, а казна не

наполняется. Что и добудет ворона на стороне, и то копчик на пути отнимет. Словом сказать, хуже нельзя. Надумало было вороньё новых мест искать и летунов вперед для разведок отправило, но они улететь – улетели, а назад не воротились. Может быть, заблудились, может быть, по пути копчики задавили, а может быть, и сами собой с голоду погибли. Да и шутка сказать – с насиженных мест неведомо куда лететь! Нет нынче вольных мест! всюду проник человек! И ему тесно стало. Идет вперед с топором; стонут леса, бегут звери, а он с утра до вечера корчует пни, расчищает пашню, рубит избу, а ночью дрожит в землянке от холода и голода в ожиданье, когда-то вся эта суতোлка в порядок придет.

Думал-думал старый ворон и наконец надумал: „Надо лететь всю правду объявить“. Только стар он и слаб – долетит ли? Ведь лететь – дорога не близкая. Сначала надо ястребу челом бить, потом кречету, а наконец и к коршуну, который в ту пору вороньим племенем, вроде как начальник края, правил.

У птиц тоже, как и у людей, везде инстанции заведены; везде спросят: „Был ли у ястреба? был ли у кречета?“, а ежели не был, так и бунтовщиком, того гляди, прослынешь.

Наконец, однако ж, снялся ранним утром с гнезда и полетел. Видит, сидит ястреб на высокой-высокой сосне, уж сытый, и клюв когтями чистит.

– Здравствуй, старче! – приветствовал его ястреб благодушно, – зачем пожаловал?

– Прилетел я к твоему степенству правду объявить! – горячо закаркал старый ворон, – гибнет вороний род! гибнет! человек его истребляет, дани немилостивые разоряют, копчики донимают... Мрёт вороний род, а кои и живы – и тем прокормиться нечем.

– Вот как! А не от нерадивости ли вашей все эти беды на вороний род опрокинулись?

– Сам ты знаешь, что нерадивости в нас нет. С утра до ночи мы шарим и корму доглядываем. Живем в трудах, как честному воронью жить надлежит, только добыть что-нибудь честным образом невозможно стало.

Ястреб на минуту задумался, словно не решался настоящее слово выговорить, но наконец сказал:

– Изворачивайтесь!

Однако решение это не удовлетворило, а только пуще взволновало ворона.

– Знаю я, что нынче все изворотами живут, – горячо ответил он, – да прост на это наш вороний род. Другие миллионы крадут, и все им как с гуся вода, а ворона украдет копейку – ей за это смерть. Подумай, разве это не злодейство: за копейку – смерть. А ты еще учишь: „Изворачивайтесь!“ Прислан ты к нам начальником, чтоб защищать нас от обид, а явился первым разорителем и угнетателем! Доколе мы будем терпеть? Ведь ежели мы...

Ворон не договорил и испугался: не легко, видно, правду-то объявлять.

Но ястреб, как сказано было выше, был сыт и смотрел на незваного гостя благодушно.

– Знаю, не договаривай, – сказал он, – давно мы эту песню слышим, да покуда бог еще миловал... А ты все-таки на ус себе намотай: прилетел ты ко мне правду объявить, да на первом же слове и запнулся... Все ли ты сказал?

– Все покамест, – отвечал ворон, продолжая робеть.

– Ну, так я тебе вот что отвечу: правда твоя давно всем известна; не только вам, воронам, а и копчикам, и ястребам, и коршунам. Только не ко двору она в наше время пришлась, а потому, сколько об ней ни объявляй, хоть на всех перекрестках кричи, – ничего из этого не выйдет. А когда наступит время, что она сама собою объявится, – этого покуда никто не знает. Понял?

– Понял я одно: что вороньему роду конец пришел! – с горечью ответил ворон.

– Ну, коли не понял, давай разговаривать. Говоришь ты, что человек вас истребляет, – но разве можем мы, птицы, против человека идти? Человек порох выдумал – а мы чем на это ответить можем? Выдумал человек порох – и палит в нас, что вздумается, то над нами и делает. Мы все равно что мужики: со всех сторон в них всяко палят. То железная дорога стрельнет, то машина новая, то неурожай, то побор новый. А они только знай перевертываются. Каким-таким манером случилось, что Губошлепов дорогу заполучил, а у них после того по гривне в кошеле убавилось – разве тёмный чело-

век может это понять? А дело-то простое: Губошлепов порохов выдумал, а мужики, ровно черви, только в навозе копать умеют. А ежели ты червь, так и живи, как червя жить подбает. Червя и вы, воронье, потачки не даете, – вспомни-ка! что если б он на вас гвалт поднял, не вы ли бы первые удивились: „Червь, мол, ползущий, а тоже разговаривает!“ Так-то, старче! Кто одолеет, тот и прав. Понял теперь?

– Погибать, значит, надо? Ах, какое жестокое ты слово сказал! – затосковал ворон.

– Жестоко ли мое слово, или не жестоко, не в том суть, а в том, что и я правды от тебя не утаил. Не той правды, которой ты ищешь, а той, которую, по нынешнему времени, всякий в расчет принимать должен. Но будем продолжать разговор. Ты говоришь, что копчики корм у вас на лету отнимают, что я сам, ястреб, ваши гнезда разоряю, что мы не защитники ваши, а разорители. Что ж: вы кормиться хотите – и мы кормиться хотим. Кабы вы были сильнее – вы бы нас ели, а мы сильнее – мы вас едим. Ведь это тоже правда. Ты мне свою правду объявил, а я тебе – свою; только моя правда воочию совершается, а твоя за облаками летает. Понял?

– Погибать, погибать надо! – продолжал твердить старый ворон, почти не сознавая действительного значения Ястребовых речей, но инстинктивно чувствуя, что они заключают в себе нечто неслыханно жестокое.

Ястреб оглянул челобитчика с головы до хвоста, и так как был сыт, то захотелось ему пошутить над стариком.

– А хочешь, я тебя съем! – сказал он; но, увидев, что ворон инстинктивно сделал скачок назад, продолжал, – ну тебя! тощ ты и стар – какая это еда! Ну-тка, распахни-ка жилет!

Ворон распустил крылья и сам удивился: кости да кожа, ни пуху, ни перьев нет – волк голодный, и тот на такую птицу не позарится.

– Вот видишь, каков ты стал. А все оттого, что о правде думаешь. Кабы ты по-вороньи, без думы, жил – такой ли бы ты был! А впрочем, пора и кончить. Жалуешься ты еще, что поборы с вас, воронья, немилостивые берут, – и это правда. Но подумай: с кого же брать? Воробьи, синицы, чижи, зяблики – много ли они могут дать? рябчики, глухари, стрепета, дятлы, кукушки? – эти живут каждый сам по себе, их и днем с огнем не отыщешь. Одно воронье живет обществом, как настоящие мужики, и притом само о себе непрестанно возглашает – что же удивительного, что оно в ревизские сказки попало? А коли попал в ревизские сказки – держись! Если же в последнее время и впрямь сборы тяжелее прежнего стали, то, стало быть, так нужно. Потребностей больше – и сборов больше: это хоть кого хочешь спроси. Так-то вот, старче. Ты правду сказал, и я правду сказал; а чья правда крепче – на это отвечает ваше воронье житьё. Ну, а теперь лети восвояси, а я вздремнуть хочу.

Однако ворон не возвратился восвояси, а направил полет к кречету.

„Будь что будет, – думал он, тяжело взмахивая старчески-ми крыльями, – а я доведу дело до конца! Если и кречет моей правды не примет, то полечу в губернию к самому коршуну, а от правды не отступлюсь!“

Кречет жил в впадине горного ущелья, и доступ к нему был очень труден. У порога его жилища сидел дежурный копчик и принимал просителей. На этот раз дежурным оказался известный всему вороньему роду копчик Иван Иванович, фаворит кречета (слухи шли даже, что он его побочный сын), который поручал ему самые важные и секретные дела. Это был лихой малый, с виду добродушный, с благосклонными и даже изысканными манерами. Не прочь был и побалагурить, и кутнуть где-нибудь за облачком, и полетать с девушками-чечеточками в горелки, и даже одолженье другу-приятелю сделать; но все это благодушие оставалось при нем лишь до тех пор, покуда он находился вне службы. Как только он приступал к исполнению обязанностей (особливо секретных поручений), то мгновенно преображался. Становился холоден, суров и исполнительен до жестокости. Прикажут ему настичь – он настигнет; прикажут удавить – задавит. Если птица и вдвое больше и сильнее его, он таким кубарем к ней подлетит, что та загодя начинает уж кричать и метаться от тоски. Вообще птицы, которые бывали у него в переделке, при одном имени его трепетали от страха.

– Не проспался, старик? – иронически приветствовал челобитчика Иван Иванович.

Старый ворон понял, что здесь уже все известно. И у птиц существуют свои лазутчики, через которых не только действия, но и тайные помышления обывателей известны.

– Какой уж у стариков сон! – уклончиво отвечал он.

– Правду объявлять прилетел? – продолжал копчик, – ну, да, впрочем, это твое дело. Доложить?

– Да, уж сделай такую милость.

Иван Иванович юркнул в впадину и около часа там оставался. Ворон, с замиранием сердца, ждал его появления. Наконец он показался.

– Велено тебе сказать, – молвил он, – что растабарывать с тобой некогда. Правда твоя искони всем известна, да, стало быть, есть в ней порок, ежели она сама собой не проявляется. Беспокойный у тебя нрав, пустые ты речи в народ пущаешь. Давно бы за это съесть тебя надо, да, слышь, стар ты, худ и немощен. К начальнику края, чай, теперь полетишь?

– Нет уж, что уж... – хотел было утаиться ворон.

– Не запирайся! насквозь я тебя вижу! Что же, лети! только как бы тебе очи за твою правду не выклевали. – Смотри, не прогадай! Да ты, поди, и дороги не знаешь; видишь, вон, облако, там, над самым этим облаком, – там и есть.

Несмотря на предсказание копчика, ворон решил довести свое челобитье до конца. Долгим и кружным путем взбирался он, ночуя в покинутых звериных норах и пропитываясь ягодами, изредка попадавшимися на отрогах гор. Наконец он врзался в облако, и перед глазами его предстало вол-

шебное зрелище.

Несколько смежных горных вершин, покрытых снегом, пламенели в лучах восходящего солнца. Издали казался точно сказочный замок, у подножия которого застыли облака, а наверху, вместо крыши, расстилалась бесконечная небесная лазурь.

Коршун сидел на скале, окружённый целой массой разнообразнейших птиц. По правую сторону его сидел белый кречет, помощник его и советник; у ног кувыркались всех сортов чиновники особых поручений: попугаи, учёные снегири и чижи; сзади хор скворцов докладывал утреннюю почту; в сторонке, на отдельной вершине, дремали совы, филины и нетопыри, образуя из себя нечто вроде губернского совета; вороны во множестве мелькали вдали, с перьями за ушами, строчили указы, предписания и донесения и кричали: „С пылу, с жару! по пятаку за пару!“

Коршун был ветхий старик и от старости едва-едва скрипел клювом. В ту минуту, когда у ног его опустился ворон, он только что пообедал и в полудремоте, смежив очи, покачивал головой, несмотря на оглушающий говор и шум. Однако появление челобитчика произвело среди птиц некоторый переполох, благодаря которому коршун встрепенулся.

– С просьбицей, старче? – спросил он ворона ласково.

– Прилетел я из-за тридевяти земель правду твоему великостепенству объявить! – начал ворон восторженно, но тут же был остановлен кречетом.

– Не разводи риторики! – холодно прервал его последний, – докладывай дело без украшений, ясно, просто, по пунктам. Что тебе надобно?

Начал ворон по пунктам свое челобитье излагать: человек вороний род истребляет, копчики, ястреба, кречета донимают, сборы немилостивые разоряют... И каждый раз, как кончит он один пункт, коршун поскрипит клювом и молвит:

– Правда твоя, старче!

Сердце играло в груди старого ворона при этих подтверждениях. „Наконец-то! – думалось ему, – увижу я эту правду, по которой сызмлада тоскую! Послужу своему племени, поревную за него!“ И чем дальше лилось его слово, тем горячее и горячее оно звучало. Наконец он высказал все, что у него было на душе, и замолк.

– Все ли ты сказал? – спросил его коршун.

– Все, – ответил ворон.

– У ястреба, у кречета челом бил?

– Бил и у них.

Он кратко изложил свой разговор с ястребом, а также свое неудавшееся свидание с кречетом.

– Так вот что я тебе на твою правду скажу, – молвил коршун, – больше двухсот лет я сижу на этом утесе и хоть бочком, да на солнце смотрю... Но Правде и до сих пор ни разу взглянуть в лицо не мог.

– Но почему же? – в недоумении каркнул ворон.

– А потому, что вместить ее птице не под силу. Ежели кто

об себе думает, что он правду вместил, тот и выполнить ее должен; а мы, стало быть, не можем выполнить – оттого и смотрим на нее исподлобья. Думается: „Авось-либо она мимо пройдет!“

Коршун на минуту задумался и продолжал:

– Жестокое тебе слово ястреб сказал, но правильное. Хороша правда, да не во всякое время и не на всяком месте ее слушать пригоже. Иных она в соблазн ввести может, другим – вроде укоризны покажется. Иной и рад бы правде послужить, да как к ней с пустыми руками приступиться! Правда не ворона – за хвост ее не ухватишь. Посмотри кругом – везде рознь, везде сваря; никто не может настоящим образом определить, куда и зачем он идет... Оттого каждый и ссылается на свою личную правду. Но придет время, когда всякому дыханию сделаются ясными пределы, в которых жизнь его совершаться должна, – тогда сами собой исчезнут распри, а вместе с ними рассеются как дым и все мелкие „личные правды“. Объявится настоящая, единая и для всех обязательная Правда; придет и весь мир осияет. И будем мы жить все вкупе и влюбое. Так-то, старик! А покуда лети с миром и объяви вороньему роду, что я на него, как на каменную гору, надеюсь.